

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО
ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Современная историографическая ситуация отмечена формированием целого комплекса научных исследований, в которых рассматриваются различные стороны и аспекты истории историографии, понимаемой в широком смысле как «новая культурная и новая интеллектуальная история», интегрированная «новая культурно-интеллектуальная история», «интеллектуальная история истории» (*intellectual history of history*) и т.д.

Следует представлять, что среди разнообразия подходов к анализу историографического процесса своё место занимает проблемно-тематическая историография, которая по определению не претендует на особое внимание к историко-антропологическому, «неокантианскому» по своей концептуально-философской природе, измерению эволюции исторического познания как целостной интеллектуальной системы. У проблемной историографии свой круг вопросов. Освобождаясь ныне от политико-идеологического «задания» былых времён — заниматься «выверкой» исторических сочинений на предмет их соответствия очередной «правильной» позиции, она прежде всего призвана, исследовать структурно-динамические характеристики исторического отображения того или иного круга явлений, реконструировать процесс складывания системы представлений об этих событиях и явлениях в исторической науке.

Вопрос о значении исследовательских практик, в соответствии с которыми в качестве основы, первоначального ядра фактов историознания признаются содержательная сторона события, биография и хронология, хорошо просматривается с позиций современного источниковедения. Действительно, методологические дискуссии антипозитивистской направленности сосредоточили главное внимание на познавательной

деятельности историка, собственное суждение которого выступает в качестве главного критерия результативности его исследовательского метода. Между тем остаётся открытым вопрос о том, создаёт ли наука общезначимые ценности. Более того. Вследствие подобного взгляда на научную деятельность стирается её принципиальное отличие от деятельности художника, а методология источниковедения как системного знания не находит для себя оснований. Поэтому специалисты, исследующие проблемы источниковедческой парадигмы методологии истории, последовательно выступают за достижение синтеза «положительной» науки об обществе и исторической антропологии, иначе говоря, за утверждение некой «средней позиции»: «В познавательной ситуации любой науки реально существует объект познания (со своими конкретными свойствами) и имеется познающий субъект (также имеющий свои возможности и свойства). Позитивистская парадигма теории познания делает акцент прежде всего на приоритетности изучения свойств объекта, его эмпирической данности. Неокантианская парадигма обращена к рассмотрению познавательных возможностей субъекта»¹. Синтез этих подходов суть «наиболее результативный способ более полного охвата типологических и индивидуальных особенностей изучаемой реальности».²

Для проблемной историографии наибольший интерес представляют дисциплинарная, институционализируемая история, феноменология процесса историописания и его предметно-содержательные результаты. Анализ основных тенденций эволюции историографии позволяет выявлять слабо изученные или практически не исследованные вопросы. Сопоставление различных концепций с учётом воздействия на процесс исторического познания идейно-политических и мировоззренческих предпочтений исследователя актуализирует проблему соотношения экстерналистских и интерналистских факторов в историописании, что имеет

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Уч. пос. /И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Р.Румянцева.. – М., 1998. – С.63.

² Источниковедение: Теория. История. Метод... – С.67.

особое значение для тех исторических сюжетов, при освещении которых привнесённые «извне» политические и идеологические ценности играли весьма значительную роль.

К таким темам истории относится не в последнюю очередь история революций 1917 года и гражданской войны в России. Исторические образы военно-политических битв 1917 – 1920 годов активно и целенаправленно использовались в качестве идеологического ресурса различными общественными силами и институтами, а на формировании изначальных представлений о гражданской войне в значительной мере сказались острые эмоциональные реакции историков и мемуаристов, переживших это событие как личностный духовный опыт.

Во всём разнообразии направлений историографии революции и гражданской войны своё, особое, место занимают вопросы истории антибольшевистского движения. По известным причинам этот сюжет в советской исторической науке, в отечественной историографии в целом был в самой высокой степени подвержен деформациям и искажениям. Восстановление научного статуса проблемы истории тех сил, что противостояли утвердившейся в России власти леворадикального толка, является непременным условием формирования реальной картины социальных сдвигов, политического и военного противоборства конца второго — начала третьего десятилетия XX века российской истории. Соответственно, залогом решения данной исследовательской задачи выступает научно-критический анализ тех комплексов литературы, в которых нашли отражение и осмысление эти события.

Необходимо выделить из конъюнктурной части этой литературы научные ценности, способствующие развитию исторической мысли на восстановленной и обновлённой документальной основе, посредством определения и оценки методологической основы исторических трудов, тех методов, способов исследования, которые применяли их авторы, обращаясь к тем или иным конкретным историческим проблемам истории.

Историографическое изучение истории антибольшевистского движения должно способствовать выработке адекватных критериев оценки различных историографических явлений, осмыслению новых и традиционных для данной проблемной историографии вопросов, что в целом отвечает тем задачам, которые стоят перед отечественной исторической наукой, развивающейся сегодня в условиях методологического плюрализма.

Актуальность темы исследования имеет своим основанием не только решение научных, академических задач, она связана также с той социальной ролью, которую играет историография в современном обществе. Гражданская война вкупе с Октябрьской революцией 1917 года стала знаковым событием всей мировой истории. Соответственно, история гражданской войны неизменно являлась одной из приоритетных тем истории XX века, а крупные социально-экономические и политические изменения, произошедшие в России в конце 80 – начале 90-х годов, выдвинули эту проблематику на авансцену российской исторической науки. Прежде всего это связано с актуальностью для современного внутривнутриполитического и международного развития тех вопросов, которые решались в России в первой четверти минувшего уже столетия — изменение государственности и миропорядка, борьба за передел собственности в условиях острых политических противостояний, напряжённые идейные и духовные искания, обретение новой идентификации общества. Начальный этап новейшей модернизации российского общества сопровождался глубоким системным кризисом, не только воскресившим в историческом сознании события 1917 – 1920 годов, но и превратившим эти события в тот «оселок» истории, на котором общественно-политические силы выверяли свои программы и сценарии развития. Кроме того, во времена больших перемен в обществе получают распространение крайние суждения и оценки, происходит романтизация и идеализация того, что прежде отрицалось и обличалось.

Данные черты и признаки по-прежнему в той или иной мере присущи современному российскому обществу. В связи с этим возрастает социальная и нравственная значимость исторической науки: системное знание о событиях революции и гражданской войны, свободное как от старых, так и от новых стереотипов и мифов, может содействовать понижению уровня конфликтогенности общественного сознания переживающего период трансформации социума, «работает» на идею общенационального согласия. Важную роль здесь как раз призвана сыграть историография как история науки, обеспечивающая преемственную связь в развитии исторической мысли и определяющая её перспективы на каждом конкретном направлении.

Прежде всего надо отметить, что историография гражданской войны в России, понимается как процесс формирования всей совокупности исторических представлений об этом событии, его различных сторонах и взаимосвязях, содержащаяся в работах, укоренённых в различных системах историографии — советской, постсоветской, эмигрантской и зарубежной.

В рамках историографии гражданской войны имеется историографический комплекс, в котором сосредоточены выходившие начиная с первой половины 20-х годов и вплоть до современности работы, посвящённые антибольшевистскому движению в России в годы гражданской войны, рассматриваемые с точки зрения складывания и изменения проблемно-тематической структуры, концептуальных оснований, методов и приёмов исследования, а также источниковой базы. Составляющие данный историографический комплекс работы носят исследовательский характер или представляют собой такую разновидность нарратива, как мемуаристика.

Логика исследования диктует необходимость интерпретации используемого и имеющего принципиальное значение для определения предмета изучения ключевого понятия — *«антибольшевистское (вариант — противобольшевистское) движение»*. Как полагает автор данной работы, оно позволяет на уровне дефиниции зафиксировать сложносоставной, весьма

неоднородный в социально-политическом и идейном отношениях, характер того движения, что противостояло в годы гражданской войны большевизму как идеологии и государственно-организованной силе. Между тем и в научной, и в культурной традиции (прежде всего это относится к советскому обществу) в качестве характеристики противобольшевистских сил утвердилось понятие «*белое движение*» (в эмигрантской традиции нередко использовалось синонимическое выражение «Белое дело»).

Обращает на себя внимание, что в самом этом символе антибольшевизма времён гражданской войны отчётливо явлена метафоричность, свойственная не только «языковому протоколу», который выбирает историк (Х.Уайт), но и историческому сознанию в целом.¹ Так, наряду с «белым движением» в одной группе метафор оказываются такие «хроматические» тропы, как «красная диктатура», «движение зелёных», «жовто-блакитники» и т.д.

По-видимому, впервые белый цвет в качестве метафорической характеристики общественного движения в России XX века начинает фигурировать во времена первой русской революции: к примеру, в 1905 – 1907 годах «белой гвардией» называли «банды погромщиков, терроризировавших города Белоруссии, Украины, Поволжья».² Смысл и пафос метафоры уже просматривается: «белые» — это те, кто выступает против сторонников устранения царизма, выходит под красным знаменем и т.д. В 1917-м году во время октябрьских боёв в Москве полковник Трескин сформировал отряд из студенческой молодёжи, который решено было назвать «белой гвардией», и на этом основании время спустя объявил себя

¹ Социолингвисты Дж.Лаков и М.Джонсон считают, что метафора включена в повседневность не только через язык, но и через мысли и действия. Наша обычная концептуальная система, в понятиях которой мы мыслим и действуем, и которая играет главную роль в определении нашей индивидуальности, в значительной степени метафорична (См. об этом: Бергер А. Нарративы в массовой культуре, средствах информации и повседневной жизни//Контексты современности /Пер. с англ. – Казань, 1998. – С.19).

² Федюк В.П. Деникинская диктатура и её крах. – Ярославль, 1990. – С.3.

«родоначальником белой борьбы против красных».¹ Однако эта идея, что называется, витала в воздухе — в это же самое время в Сибири возник противобольшевистский отряд под названием «Белый легион».² Несколько позже, особенно с весны 1918 года, термины «белое движение», «белое дело», «белая гвардия» стали распространяться на «все регулярные вооружённые формирования российской контрреволюции».³

В дальнейшем истолкование того явления времён гражданской войны, которое получило знак «белого», раскрытие содержания этого метафорического понятия происходило в исторической и общественно-политической мысли, главным образом, через призму «двухцветного», поляризованного видения ситуации политических и военных столкновений в России. Этот подход, согласно которому «белое» звучит как синоним «антибольшевистского», пожалуй, в наиболее последовательной форме выразил Г. Мейер, подчёркивая, что «белое движение и затем крестьянские и рабочие восстания суть два вида одного и того же всенародного отрицания большевизма».¹

К подобным оценкам примыкают интерпретации Белого дела со стороны оказавшихся в эмиграции некоторых представителей русской «религиозной философии», которые рассматривали белое движение как возрождение русской патриотической традиции (в противовес «антипатриотизму» интернационального социализма большевиков), что должна быть положена в основу созидания новой России. Так, И.А. Ильин подчёркивал, что «возродившись в отрицании, Белое дело отнюдь не исчерпывается отрицанием; собрав свои силы в гражданской войне, оно отнюдь не питается гражданской войною, не зовёт к ней... Белые никогда не защищали, и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни

¹ Трескин. Московское выступление большевиков в 1917 году //Часовой. – декабрь 1935, – №106. – С. 13-14.

² Крылов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение//Вольная Сибирь. – 1928, – №4. – С. 36-38.

³ Штыка А.П. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. – Томск, 1991. – С.11.

партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства». ² Белое дело, по разумению русского мыслителя, состояло в том, что «бороться за родину, жертвуя, но не посягая; утверждая народное спасение и народное достояние, но не домогаясь прибýtка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под неё: служа живой справедливости, но не противоестественному равенству людей». ³ С.Л. Франк, так же как и И.А. Ильин, связывал Белое дело со свободой и духовными ценностями прогресса и правового порядка. ⁴

Вместе с тем уже тогда у некоторых писавших о белом движении возникали сомнения в правомерности столь широкого использования этого термина. Бывший белогвардейский генерал М.А. Иностранцев обратил внимание на то, что использование метафоры «белое движение» применительно к событиям гражданской войны явно противоречит устойчивой исторической традиции, связанной с её употреблением: «В истории — эпитет “белый”, ещё со времён генерала Монка, времён английской революции, а затем и Вандеи, — пояснял он, — определённо связывался с идеями и целями полного восстановления старого порядка, т.е. с целями реставрации и полного уничтожения всех результатов революции. На самом деле, ни один из фронтов, действовавших против большевиков, а в том числе и Сибирской, не преследовал этих целей. Цель была у всех одна — разбить большевиков и вернуться к правопорядку, предоставив затем самому народу избрать ту или иную форму государственного строя... Таким образом, название “белый” к Сибири, равно как и к Деникину, Юденичу и Северному фронту, никоим образом прилагается быть не может...». ⁵ Автор, впрочем, не пояснил, чем же заменить это «неточное» сравнение, которое стало символом антибольшевизма в целом.

¹ Мейер Г. У истоков революции. — Франкфурт-на-Майне, 1971. — С. 177.

² Ильин И.А. Белая идея (Предисловие к I тому сб. «Белое дело». Берлин, 1926) // О грядущей России. — М., 1993. — С. 341.

³ Ильин И.А. Ук. соч. — С. 346.

⁴ См.: Франк С.Л. По ту сторону правого и левого. Сб. ст. — Париж, 1972.

⁵ Иностранцев М.А. История, истина и тенденция. — Прага, 1933. — С. 55-56.

В отличие от М.А. Иностранцева П.Н. Милюков предлагает не дезавуировать «белую» метафористику, а подходить к ней дифференцированно, различая её широкий и узкий смыслы: «В широком смысле слова белое движение — это все антибольшевики: социалисты, демократы, либералы, консерванты и даже реакционеры. В более тесном смысле — это только защитники старых начал монархии и национализма»¹ (читай — русской государственности). Такая методология сродни опытам первых советских историков, которые, например, выделяли в белом — контрреволюционном лагере — «демократическую контрреволюцию» (В.А. Быстрянский, С.А. Пионтковский и др.), разумея под последней силы социалистической и общедемократической ориентации, которые занимали антибольшевистские позиции. Однако впоследствии, в условиях утверждения в советской историографии редуцированной картины революции и гражданской войны, эти подходы историков-марксистов 20-х годов не получили развития.

Уже в современной российской историографии вновь было привлечено внимание к сложносоставному характеру тех общественных сил, что боролись с большевизмом. Так, В.П. Федюк указывает, что «антибольшевистский лагерь отличался крайней пестротой, но наиболее серьёзной силой в его составе было белое движение»², однако не разъясняя, кто же входил в этот антибольшевистский лагерь. Другой исследователь, А.В. Венков, справедливо указывая на теснейшую связь «проблемы изучения антибольшевистского движения» с самой концепцией гражданской войны, её становлением в исторической науке, констатирует, что антибольшевистское движение принимало различные формы, иногда наслаиваясь на национальное, а иногда на религиозное движения.³ То обстоятельство, что в советской историографии белое движение было

¹ Последние новости. 6 августа 1924.

² Федюк В.П. Белое движение на Юге России 1917–1920 гг. Автореферат... д.и.н. – Ярославль, 1995. – С.1.

³ Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России (1917 – 1920 гг.).Дисс...д.и.н. – Ростов н/Д., 1996. – С.4; 40.

«однозначно понимаемо как контрреволюционное», отмечает в своей работе, посвящённой изучению гражданской войны сквозь призму развития российской государственности, В.Д. Зимина,¹ тоже уклоняясь, впрочем, от историко-содержательной «расшифровки» знаменитой метафоры — «белое движение». Одна из немногих попыток такого рода предпринята А.В. Лубковым и В.Ж. Цветковым. Конкретизируя содержание термина «белое движение», они указывают, что к этому движению «можно отнести лишь те политические режимы, которые отличались, во-первых, признанием единой, общероссийской власти в лице Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака и, во-вторых, общностью основных положений политических, экономических, социальных программ».² Между тем эти специалисты почему-то не учитывают, что те силы, которые принято именовать «белым движением» (в том числе и в том примерно смысле, какой усмотрели в этом понятии они сами), начали консолидироваться ещё за год до прихода Колчака к власти, причём сами белогвардейцы не без основания связывали рождение своего движения с конкретной датой — 2 ноября 1917 года, когда генерал М.В. Алексеев прибыл в Новочеркасск и приступил к формированию вооружённых сил, которые с 25 декабря того же года получили название Добровольческой армии.³

Представляется, что метафористика «белого движения» столь богата оттенками, а традиция использования этого тропа в научной и иной литературе столь обширна, что однозначное и достаточно строгое определение содержания этого понятия находится под вопросом. Приходится, верно, ориентироваться на те смыслы, которые сопутствуют термину «белое движение» в случаях, когда тот, кто обращается к

¹ Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Дисс... д.и.н. – Волгоград, 1998. – С.13

² Лубков А.В., Цветков В.Ж. Белое движение в России — его программа и вожди. Учебно-метод. пособие. – М., 2003. – С.24.

³ Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режим власти. – М., 1998. – С.206.

характеристике антибольшевистских сил, стремится подойти к ним дифференцированно, фиксируя особенности «поток» этого движения.

С учётом некоего «коэффициента приближенности»¹ можно, несколько упрощая, понимать под «белым движением» действия тех общественно-политических и военных формирований (включая их государственные формы), которые представляли прежде всего бывшие военные и государственно-политические структуры царской России, и которые в своих программах, идеологиях, а также на уровне типичного сознания участника этого движения идентифицировали себя в качестве легитимных преемников русской государственности,² соответственно, выступая за её восстановление, в основном, в границах Российской империи на момент её крушения в 1917 году и в форме единой общенациональной власти. Можно заметить, что такое определение в своём сущностном ядре в чём-то перекликается с характеристикой, которая (наряду с понятием «демократическая контрреволюция») использовалась первыми историками-марксистами — «генеральская контрреволюция».

Всё сказанное выше также свидетельствует о целесообразности использования понятия «антибольшевистское движение» в качестве научно-исторической категории. *Антибольшевистское движение может быть представлено как некая совокупность социально-политических сил, по разным причинам и с разных позиций выступавших против большевистской диктатуры*, в число которых включается собственно белое движение; региональные противобольшевистские режимы, сложившиеся на территории Российской империи в 1918 – 1919 годах, такие как режим П. Скоропадского на Украине, Временное Сибирское правительство, Комитет членов

¹ Данное понятие использовано Е.Б.Черняком для обозначения уровня абстракции обобщённый в историческом познании и указания на те апории, что возникают в процессе такой идеализации (См.: Черняк Е.Б. История и логика (Структура исторических категорий) // Вопросы истории. – 1995. – №10. – С.3-12.)

² Термин «русский» в нашем определении призван подчеркнуть то обстоятельство, что деятели белого движения выступали под флагом русскоцентризма, национальной русской — имперской по своей природе — государственности, что, кстати, послужило одной из причин поражения белого дела в условиях социальных сдвигов в полиэтничном сообществе.

Учредительного собрания, Уфимская директория и др.; казачьи государственные структуры и образования: Донской Войсковой Круг, Кубанская Рада и др.; противобольшевистские образования и организации на территории, подконтрольной Советам (Правый центр, Национальный центр, Союз Возрождения и др.).

В целом история антибольшевистского движения советскими учеными специально не изучалась, сохранялись изоляционизм советской исторической науки по отношению к зарубежной, в том числе эмигрантской, историографии и ее пристрастная оценка. В специальных работах по зарубежной буржуазной историографии гражданской войны фигурировал тезис об апологетической, недостоверной трактовке западными учеными развития и смысла антибольшевистского движения, оправдательном характере анализа причин его поражения, отвергалась научная ценность их изысканий. Какие-либо совпадения позиций западных специалистов с выводами советских учёных объявлялись вынужденным признанием со стороны зарубежных авторов «правды истории».

До начала общественных перемен в Советском Союзе работы западных исследователей, пишущих об истории гражданской войны и антибольшевистском движении, служили материалом для подтверждения фактов обострения идеологической борьбы, разбора в этой связи различных «фальсификаций» советской истории и призванного доказать буржуазно-классовую пристрастность всей этой литературы. Однако несмотря на заданные «правила игры», обойти которые было практически невозможно, отдельным историкам удавалось хотя бы рассказать о советологических центрах, иностранных ученых, пишущих об истории гражданской войны и белом движении, описать круг поднимаемых ими проблем.¹

¹ См.: Салов В.И. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. – М., 1968; Критика буржуазной историографии советского общества. Сб. ст. – М., 1972; Косаковский А.А. Западногерманская буржуазная историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 1972; История СССР в современной западной немарксистской историографии.– М., 1991.

Лишь на рубеже 1980 – 1990-х годов монографические исследования и различные сборники, опубликованные в основном в 1960 – 1980-е годы, начинают выводиться из фондов специального хранения в научных библиотеках страны. Многие работы по истории России XX века переводятся на русский язык. Среди них исследования Ст. Коэна, Р. Пайпса, Р. Такера, А. Рабиновича, Д. Рейли, Л. Холмса — из США, Э. Карра и Дж. Хоскинга — из Великобритании, Н. Перейры — из Канады, Дж. Боффа и А. Грациози — из Италии, Н. Верта — из Франции, К. Аймермахера — из Германии, Х. Вада — из Японии.

Уже эта переводная литература сделала очевидным тот факт, что в западной исторической науке сложилось в качестве самостоятельного направления историографии изучение антибольшевистского движения.¹ Безусловно, оно уступает в объёме и полноте разработки исследованиям по истории интервенции и роли в гражданской войне союзников России в Первой мировой войне — стран Антанты, вообще же внешнеполитическим аспектам истории гражданской войны, предпринятых в западной науке. Но тем не менее в русле этого направления выдвинут ряд интересных идей, соотносимых с достижениями эмигрантской литературы, которые серьёзно учитываются в современной российской историографии. Последняя избавляется от синдрома простой перемены знаков в оценках, а также политической идеализации некоторых деятелей (к примеру, Колчака)

Западная историческая наука в толковании белого движения всё же быстрее отошла от идеологической «перегрузки», которую долгие десятилетия неизбежно испытывала «советология». Скажем, многие обстоятельства истории белых армий и правительств, включая их поражение, все меньше обуславливаются теперь политической конъюнктурой, так и чисто военно-техническими причинами.

¹См.: Kenez P. Civil War in South Russia, 1918. – Berkeley, 1971; Civil War in South Russia, 1919 – 1920. – Berkeley, 1976; The Ideology of the White movement. //Soviet Studies. – 1980. – Vol.32.; Lincoln B. Red victory: A History of the Russian Civil War. – New York, 1989. Pereira N.. White Siberia. The Politics of Civil War. – Montreal, 1996; Radkey O. The Unknown Civil War in Soviet Russia. – Hoover UP, 1976 и др.

Это не значит, конечно, что западные ученые теперь свободны от любой политической ангажированности в своих оценках и суждениях. Тем не менее в историографическом анализе проблемы многие из них обращали внимание на наименее исследованные вопросы, в то же время признавая сложность исследовательской практики именно в связи с идеологической актуальностью событий и их политической дискуссионностью, некорректность полемики многих ученых, опиравшихся не столько на факты, сколько на догмы и постулаты социального заказа.¹

Начавшееся в середине 1980-х годов видоизменение всего общественного и государственного устройства, последовавший затем распад СССР обусловили возникновение новой историографической ситуации. В так называемое перестроечное время поиск исторической истины был формой политической борьбы. Более того, если сначала обновление исторических знаний имело следствием творческий подъем, надежду определенной части исследователей на быстрый пересмотр устаревших оценок, преодоление догматизма и схематизма (достаточно вспомнить такие ключевые слова, как «правда истории», ликвидация «белых пятен»), то в 1989 – 1991 годах обновление переросло в творческий и организационный кризис исторической науки. На совещании в ЦК КПСС в октябре 1989 года руководитель Идеологического отдела и секретарь ЦК В. Медведев не скрывал тревоги: «Порой речь идёт уже не об очищении социализма, не об избавлении его от деформаций, а о пересмотре основных социалистических ценностей, основ нашей идеологии и политики».² И заключая совещание, поставил задачу: «...Надо отстаивать принципиальные позиции Ленина, Октябрьской революции, социалистического выбора. Тут не может быть уступок».

Период второй половины 80-х годов был отмечен источниковедческим взрывом по этой проблеме. Однако, как стало выясняться довольно быстро,

¹ Bradley, J. Civil War in Russia. 1917 – 1920. – London, 1975. – P. 9.

² Вопросы истории. – 1990. – №1. – С. 5.

доступность источников не исправила так называемую «деформацию исторической памяти». Наоборот, чем больше открывались первоисточники, тем меньше оставалось возможностей для поверхностного и «ярлыкового» подхода к истории антибольшевистского движения и его трагедии.

И тем не менее, всё же не эмоциональное начало и новые конъюнктурные веяния определили характер нового этапа историографии антибольшевистского движения. Отличительными его особенностями стало появление целого ряда специальных работ — книги и статьи С. Устинкина, В. Слободина, В. Зиминной, Ю. Гражданова, В. Федюка, В. Бортневского, А. Венкова, Ю. Ципкина и др.¹ Примечательным является то, что исследователи попытались сразу, без промежуточных этапов, поднять — не на уровне призывов — проблемы, касающиеся сущности, периодизации, идеологии, политической и социальной основы белого движения. Другая особенность заключается в серьёзной проработке регионального аспекта антибольшевистского движения и белых режимов. Скорее всего именно здесь произошел прорыв в наращивании и осмыслении новых знаний. И, наконец, огромный пласт эмигрантской литературы по истории гражданской войны, а также исследования западных историков стали достоянием российской историографии.

События последнего десятилетия XX века имели следствием, с одной стороны, расцвет плюрализма, издательский бум, открытие архивов и «превращение архивных учреждений из преимущественно закрытых организаций, являвшихся частью идеологической надстройки существовавшего политического режима в общедоступные институты службы социальной памяти российского общества»,² а с другой, — кризис

¹ Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917 – 1920 гг. – Волгоград, 1997; Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917 – 1922 гг.) Уч. пос. – М., 1996; Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. – Нижний Новгород, 1995 и др.

² Минюк А.И. Современная архивная политика: ожидания и запреты. //Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. – М., 1996. – С. 12.

исторической науки, сопровождавшийся методологической растерянностью, разрушением старых схем, многотрудным поиском новых подходов.

Объективная оценка гражданской войны, определение узловых проблем, стоящих перед учеными, перспектив и тенденций развития отечественной исторической науки стали предметом размышлений и дискуссий, нашли отражение в ряде специальных работ. Показателем начала нового этапа в изучении антибольшевистского движения, в частности, стало активное и весьма плодотворное взаимодействие отечественных историков с зарубежными коллегами, умножение форм и способов исследовательской практики, ее содержательное и жанровое многообразие, появление первых специальных трудов по истории изучения гражданской войны, её различных проблем.¹

Что касается изучения белого движения, то на рубеже XX и XXI веков главной и определяющей тенденцией являлось восстановление единой историографии этого вопроса, которая долгое время была искусственно разъединена на изолированные исследовательские потоки: собственно советский, эмигрантский русский и западный. Каждый историографический комплекс нёс на себе груз внешних условий и среды, в котором он развивался, испытывал ту или иную зависимость от «социального заказа» и, естественно, — идеологического противостояния, связанного с «холодной войной».

Начавшийся диалог представителей трёх потоков создает условия для достижения иного уровня изучения истории антибольшевистского движения. Можно сказать, что складывается достаточно отчетливое понимание того, что и как сделано в исследовании проблемы, какими сильными и слабыми моментами отмечены вышедшие издания, какие ключевые пункты

¹ См.: Гражданская война в России. «Круглый стол» //Отечественная история. – 1993. – № 3; Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. – М., 1993; Гражданская война в России: перекресток мнений. – М., 1994; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995 и др.

дальнейшего изучения нуждаются в общих усилиях и совместных обсуждениях.

Для исторической литературы конца XX – начала XXI веков характерен целый ряд серьезных изменений, вызванный сменой приоритетов в проблематике гражданской войны. Значительно сузилась историография деятельности политических партий в гражданской войне, в связи с чем внимание научного сообщества всё более сосредотачивается на проблемах «Белого дела», антибольшевистского движения в целом.

В историко-научном осмыслении процессы разработки этой многогранной проблемы достигнуты несомненные успехи, которые одновременно и оттеняют существующую историографическую потребность в создании специализированного труда, сориентированного на освоение с позиций современной науки, её различных дискурсов истории изучения антибольшевистского движения как относительно самостоятельного направления в историографии гражданской войны в России начала XXI века.

Наращивание знаний об антибольшевистского движении, преодоление изоляции от результатов работы эмигрантских историков и западных исследователей, выводит на формулирование новых проблем изучения.

Наиболее перспективным является принципиальное преодоление рассмотрения гражданской войны под углом зрения исключительно войны белых и красных, что следовало из идеологического противостояния. Это позволяет по-иному посмотреть на проблемы взаимоотношений белого движения с различными политическими и социальными фрагментами его собственного тыла — главной опоры, и именно здесь, а не только на фронтах вооруженных столкновений обнаружить действительные перспективы Белого дела в России. Эти перспективы важны как с точки зрения фиксации реальной альтернативы большевизму, так и с точки зрения восприятия российской почвой, её политической культурой в целом, включая и такой её носитель (но не всегда главный), как политическая элита. Кажущаяся

очевидность ответа на этот вопрос, при всей своей правомерности, мало что объясняет в природе революции и гражданской войны.

В изучении истории антибольшевистского движения в начале XXI века главной и определяющей тенденцией является восстановление единой историографии этого вопроса, которая долгое время была искусственно разъединена на изолированные исследовательские потоки: собственно советская историография, эмигрантская и западная. Каждый поток нес на себе груз внешних условий и среды, в котором развивалось, прямую или относительную зависимость от социального заказа времени или режима власти, и, естественно, идеологического противостояния, связанного с «холодной войной».

Начавшийся диалог представителей этих потоков очень быстро создает условия для качественно иного уровня изучения истории гражданской войны и антибольшевистского движения. Можно сказать, что сейчас складывается достаточно отчетливое понимание, что и как сделано разными сторонами в исследовании проблемы, какими сильными и слабыми моментами отмечены вышедшие издания, какие ключевые пункты дальнейшего изучения нуждаются в общих усилиях и совместных интенсивных обсуждениях.

Исследование истории антибольшевистского движения в современной России переживает сегодня поворотный момент. Чрезмерная политизация всё больше уступает место конструктивным научным попыткам исследования, позволяющим на новом архивном и историографическом материале всесторонне представить недостающую часть драматических событий гражданской войны.